На правах рукописи

Тимошечкина Елена Михайловна

РАСКУЛАЧИВАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В БОРИСОГЛЕБСКОМ ОКРУГЕ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЁМНОЙ ОБЛАСТИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930 г.)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Воронеж – 2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор **Карпачёв Михаил Дмитриевич**

Официальные оппоненты: **Загоровский Павел Владимирович,** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теологии, историко-правовых и общегуманитарных дисциплин Воронежского филиала Российского государственного социального университета

Кирьянова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»**

Защита состоится 29 сентября 2014 г. в 14. 00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.038.12 при Воронежском государственном университете по адресу: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40, учебный корпус № 5, блок А, ауд. 203 а.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте http://www.science.vsu.ru.

Автореферат разослан «____» июня 2014 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета А.Н. Акиньшин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Раскулачивание крестьянства в начале 1930-х гг. в СССР как научная проблема сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Обусловлено это тем, что, несмотря на обширную историографию, многие вопросы данной темы недостаточно полно и обстоятельно изучены. Кроме того, долгие годы эта тема освещалась в рамках официальной концепции, в соответствии с которой проблемы коллективизации деревни и «ликвидации кулачества как класса» трактовались как выдающиеся победы советского строя. Поэтому многие выводы историков были необъективны и до сих пор вызывают острые дискуссии. Отдельные аспекты темы ранее излагались или схематически, или вообще не затрагивались и стали разрабатываться только в последние десятилетия. Вот почему воссоздание полной и правдивой картины одного из драматических периодов отечественной истории остаётся актуальной научной задачей.

Степень изученности проблемы. Данная тема исследуется на протяжении уже более полувека и отечественными и зарубежными учёными. Она нашла отражение как в общих трудах по истории коллективизации, так и в специальных работах. В отечественной историографии можно выделить три периода, отличающиеся по интенсивности изучения проблемы и научным подходам: с 1930 г. до середины 1950-х гг., с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг. и с конца 1980-х гг. по настоящее время.

Первые статьи и брошюры о ликвидации кулачества появились в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Они были написаны партийными и советскими работниками в агитационно-пропагандистских целях, поэтому не могут считаться научно-исследовательскими[1]. Между тем, содержащийся в них фактический материал позволяет проследить основные этапы выработки новой политики по отношению к кулачеству. Первые попытки обобщения итогов борьбы коммунистической партии за социалистические преобразования сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса предприняли Я. Никулихин и С.Н. Красавин[2]. М.Я. Залесский, исследуя налоговую политику, показал, что налоговое обложение не только сдерживало рост экономической мощи кулацких хозяйств, но и служило основанием для последующего их раскулачивания[3]. Интерес к данной теме возрос в послевоенный пери-

---

[1] Комаров Н. Лицо классового врага. Классовая борьба в деревне во время перевыборов сельских Советов в 1929 г. Л., 1929; Азизян А. Аренда земли и борьба с кулаком. М.-Л., 1929; Федин П. Классовая борьба в деревне. Воронеж, 1929 г.; Варейкис И. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж, 1930; Хатаевич М. О ликвидации кулачества как класса. Самара, 1930; Эйхе Р.И. Ликвидация кулачества как класса. Новосибирск, 1930; Лаговиер Н.О., Роднянский А.К. Социалистическое наступление и кулацкий террор. М., 1930; Сиротинин П.Н. Кулак отступает с боем. М.-Л., 1931.

[2] Никулихин Я. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в первой пятилетке. М., 1934; Красавин С.Н. Первые итоги сплошной коллективизации // На аграрном фронте. 1934. № 12.

[3] Залесский М.Я. Налоговая политика советского государства в деревне. М., 1940.

од. Отечественная историография пополнилась рядом научно-популярных и исследовательских работ. В научный оборот были введены новые архивные источники, материалы периодической печати, статистические данные, расширился круг исследуемых вопросов, в том числе и касающихся ликвидации кулачества. Из работ, появившихся в эти годы, следует отметить монографии Г.Е. Глезермана «Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР», Б.А. Абрамова «Партия большевиков – организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса», М.А. Краева «Победа колхозного строя в СССР»[4].

Первые исследования по данной теме на материалах Центрального Черноземья провели Н.М. Черноморский и Г.К. Плющев[5]. Авторы утверждали, что основная масса крестьянства поддержала меры против кулаков. В то же время они отмечали широкий масштаб «перегибов», допущенных при раскулачивании.

Советские историки, находясь в жёстких идеологических рамках, руководствовались догматами об объективной необходимости ликвидации кулачества. Их внимание было нацелено на изучение роли партии в организации и проведении политики ликвидации кулачества, форм классовой борьбы в деревне, попыток кулаков сорвать коллективизацию сельского хозяйства. В исследованиях преобладали цитирования высказываний видных партийно-государственных деятелей, постановлений пленумов, решений съездов и конференций, фактического же материала было мало.

Со второй половины 1950-х гг. начинается второй период в советской историографии. Увеличилось количество работ по данной теме, заметно повысился их научный уровень, значительно расширилась источниковедческая база. Исследователями использовался критический подход к источникам. Следует отметить работы С.П. Трапезникова, В.И. Погудина, В.П. Данилова, М.Л. Богденко, И.Е. Зеленина, П.В. Семернина, В.К. Медведева[6]. Давая в целом положительную оценку ликвидации кулачества, авторы в то же время

---

[4] Глезерман Г.Е. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949; Абрамов Б.А. Партия большевиков – организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М., 1952; Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.

[5] Черноморский Н.М. Начало сплошной коллективизации в Тамбовском округе ЦЧО (1929–1930 гг.) : дис. … канд. ист. наук. М., 1947; Плющев Г.К. Борьба за коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса в Курском округе (1928–1930 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Курск, 1949.

[6] Трапезников С.П. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой пятилетки. М., 1951; Трапезников С.П. Исторический опыт колхозного строительства в СССР и его международное значение // Коммунист. 1958. № 5; Погудин В.И. Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1958. № 9; Семернин П.В. О ликвидации кулачества как класса // Вопросы истории КПСС. 1958. № 4; Медведев В.К. Ликвидация кулачества в Нижне-Волжском крае // История СССР. 1958. № 6; Данилов В.П. К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР // Вопросы истории. 1960. № 8; Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе. М., 1961.

высказали и ряд критических положений. Изучаются и новые вопросы по данной проблеме, например, депортация кулаков. В ряде работ содержались утверждения о том, что партия и правительство проявляло заботу о переселенцах[7].

В конце 1960-х – первой половине 1980-х гг. отечественная историография пополнилась трудами высокого исследовательского уровня. Это, прежде всего, работы В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого и И.Я. Трифонова[8]. В них рассматривался целый комплекс вопросов, таких, как анализ аграрной политики советского государства конца 1920-х – начала 1930-х гг., оценка сложных социальных процессов, происходивших в крестьянстве накануне сплошной коллективизации, форм и методов сопротивления кулаков, выработка политики ликвидации кулачества, характеристика массовых крестьянских волнений, выселение кулаков. Выводы авторов по-прежнему не выходили за рамки официальной концепции: экспроприация кулацких хозяйств была обоснована и неизбежна, процессы коллективизации и раскулачивания взаимосвязаны, репрессии власти вызваны сопротивлением кулаков, депортация являлась вынужденной и достаточно гуманной мерой, результатом выселения кулаков стало их перевоспитание. В то же время исследователями отмечалось, что раскулачивание зачастую проводилось до начала коллективизации и являлось средством её ускорения. Была предложена новая периодизация процесса раскулачивания: конец 1929 г. – весна 1930 г., весна 1931 г., весна 1932 г. – осень 1933 г.[9] Итогом научной разработки основ, сущности и последствий социально-классовой политики в отношении крестьянства в 1930-е гг. стало издание второго тома «Истории крестьянства СССР. Истории советского крестьянства»[10]. В нём содержится богатейший документальный материал.

Данная тема нашла отражение и в исследованиях по Центрально-Чернозёмному региону. Прежде всего, следует отметить монографию П.Н. Шаровой «Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Чернозёмной области (1928–1932 гг.)»[11]. Написанная на большом фактическом материале, она не утратила своей научной ценности и сегодня. В ней впервые приведены данные о масштабах раскулачивания в ЦЧО, отмечены

---

[7] История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР : материалы научной сессии / отв. ред. М.П. Ким. М., 1963.

[8] Данилов В.П. Советская доколхозная деревня : население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня : социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.

[9] Коллективизация сельского хозяйства в СССР : пути, формы, достижения. Краткий очерк истории / М.А. Вылцан [и др.], М., 1982.

[10] История крестьянства СССР. История советского крестьянства. В пяти томах / Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 / отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 1986.

[11] Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Чернозёмной области (1928–1932 гг.). М., 1963.

допущенные «перегибы». Однако нельзя согласиться с утверждением автора, что раскулачивание было поддержано широкими крестьянскими массами.

Отдельные аспекты данной проблематики на материалах Центрального Черноземья отражены и в ряде других работ[12].

Хотя оценки и выводы советских учёных были идеологизированы и недостаточно объективны, нельзя не отметить их заслугу в введении в научный оборот большого массива фактического материала, статистических и демографических данных, раскрывающих различные стороны раскулачивания как в целом в стране, так и в ряде регионов. А качество написания отдельных работ, скрупулёзность и обстоятельность исследований, научная стилистика изложения могут и сейчас являться примером для современных учёных.

В конце 1980-х гг. начинается третий период в историографии проблемы, который продолжается по настоящее время. Для него характерно изменение концептуальных подходов исторических исследований, обусловленное кризисом советской государственности. Рассекречивание большого массива архивных материалов значительно расширило документальную базу исследований. Среди историков, начавших освещать коллективизацию и раскулачивание с новых позиций, следует отметить В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, Н.Л. Рогалину, Н.В. Тепцова, Н.Я. Гущина, И.Е. Зеленина. Ими показан «антикрестьянский, открыто репрессивный характер» механизма осуществления политики ликвидации кулачества как класса, раскрыты причины недовольства различных слоёв крестьянского населения, охарактеризованы разнообразные формы сопротивления крестьян, показаны масштабы репрессий. Исследователи делают и новые выводы: раскулачивание являлось главным методом ускорения темпов коллективизации; участие кулаков в актах террора, «саботаже», «бандитизме» и восстаниях в советской историографии сильно преувеличено, среди участников всех форм борьбы с властями преобладали середняки и бедняки; насильственное выселение миллионов людей не было оправдано, «оно не вызывалось ни политической, ни социально-экономической обстановкой того времени», большинство спецпереселенцев были добросовестными и способными тружениками, наступило время отка-

---

[12] Очерки истории Воронежской области. Т. 2. Эпоха социализма / под ред. Е.Г. Шуляковского. Воронеж, 1967; Лосев А.В. Очерки истории Воронежской организации КПСС. Воронеж, 1967; Социально-экономические преобразования в Воронежской деревне (1917–1967) / отв. ред. А.В. Лосев. Воронеж, 1967; Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за социалистическое преобразование и развитие сельского хозяйства. 1917–1977 гг. / науч. ред. А.В. Лосев, В.И. Логунов. Воронеж, 1977; Палабугин В. Великая революция в деревне (Коллективизация сельского хозяйства в Липецкой области) // Политическая агитация. 1977. № 21; Историография крестьянства Центрального Черноземья 1917–1980 гг. / под ред. А.В. Лосева. Воронеж, 1980; Чвикалов И.М. О становлении социалистического образа жизни крестьянства Центрального Черноземья // Становление и развитие социалистического образа жизни в советской деревне. Воронеж, 1982; Чвикалов И.М. Советская деревня : партийные организации, Советы, комсомол. Воронеж, 1985.

заться от мифа о так называемом «трудовом перевоспитании бывших кулаков»[13].

В центре внимания современных историков находятся ранее замалчиваемые вопросы, например, такие, как массовые крестьянские волнения[14]. Активно исследуются и такие аспекты темы, как выселение раскулаченных и судьба спецпереселенцев, участие спецслужб в государственной политике[15]. В последние десятилетия данная тема изучается преимущественно на региональных материалах[16].

Современные исследователи придерживаются единой точки зрения, что исторической необходимости в проведении раскулачивания не было, что при ликвидации кулацких хозяйств преобладали насильственные методы, что раскулачивание не разрешило экономических проблем, а сельскому хозяйству в целом был нанесён существенный урон. Вся кампания по раскулачиванию представляется как величайшая трагедия российского крестьянства.

---

[13] Данилов В.П. Коллективизация : как это было // Страницы истории советского общества : факты, проблемы, люди. М., 1989; Рогалина Н.Л. Коллективизация : уроки пройденного пути. М., 1989; Тепцов Н.В. Правда о раскулачивании // Кентавр. 1992. № 3/4; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева; науч. ред. Н.А. Ивницкий. М., 1996; Гущин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.) : методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996; Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 г.) // История СССР. 1990. № 6; Зеленин И.Е. «Революция сверху» : завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10; Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939 : политика, осуществление, результаты. М., 2006.

[14] Плотников И.Е. Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20-х–начале 30-х годов // Отечественная история. 1998. № 2; Савельев С.И. Раскулачивание : как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994; Красильников С. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003; Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание : (очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово, 2009; Кудюкина М. «Мужик вам наплюёт на вашу политику...» : отношение крестьян к власти во второй половине 20-х годов // Россия XXI век. 1997. № 3–4; Саран А.Ю. Центральное Черноземье на рубеже 1920–1930-х годов : оппозиция и повстанчество // Российская история. 2010. № 4.

[15] Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 1930-е годы : численность, расселение, состав // Население России в XX веке. М., 2000; Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930–1933 гг. // Отечественная история. 1996. № 1; Зима В.Ф. Генрих Ягода и необъявленная война с советской деревней // Отечественная история. 2003. № 4; Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики советской власти в 1920-х–начале 1930-х годов // Отечественная история. 2005. № 6.

[16] Кирьянова Е.А. Социально-экономические и политические процессы в деревне в 1933–1937 гг. (по материалам Московской, Рязанской и Тульской областей) : дисс. ... канд. ист. наук. Рязань, 1994; Кобец О.В. Сопротивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928–1933 гг. Смоленск., 2006; Климук Я.А. Политика «раскулачивания» и сопротивление алтайского крестьянства в 1928–1931 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2008; Шамшин Р.В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929–1931 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2011.

Из историков Центрального Черноземья, занимающихся разработкой темы, особо следует отметить П.В. Загоровского. Им впервые проведено комплексное исследование целого блока проблем социально-политической истории Центрального Черноземья во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг., показаны методы и последствия коллективизации сельского хозяйства, раскулачивания, проанализированы политические настроения населения[17]. По мнению автора, аграрная политика партийно-государственного руководства СССР противоречила интересам большинства крестьянства и вызвала активное движение протеста. П.В. Загоровский впервые воссоздал ужасающую картину массового голода. Как верно считает историк, к голоду в ЦЧО в первой половине 1930-х гг. привело изъятие продуктов питания у крестьян[18]. Исследователь делает вывод о превращении «административного насилия и массовых репрессий в наиболее употребимые формы отношений государства к сельскому населению»[19].

Предпосылки и осуществление коллективизации в Центральном Черноземье в 1929–1933 гг., основываясь на документах, относящихся к Тамбовской области, исследует С.А. Есиков. Автор считает, что для власти раскулачивание было средством преодоления сопротивления крестьян. По его мнению, итогом раскулачивания являлось ускоренное формирование «армии принудительного труда – армии дешёвой и мобильной рабочей силы для промышленных строек, лесозаготовительных работ, освоения необжитых районов»[20]. О.Н. Мигущенко также считает, что раскулачивание помогало власти решать проблему аграрного перенаселения[21].

Данная тема рассматривается на материалах Центрального Черноземья и в ряде других работ[22]. Проведение ликвидации кулачества в районах, ныне входящих в состав Липецкой области, исследует Е.А. Панова. В своём исследовании она приходит к выводу о том, что безразличие центральной и мест-

---

[17] Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Чернозёмной области, 1928–1934. Воронеж, 1995.

[18] Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж, 1998.

[19] Загоровский П.В. Социально-политическое развитие сельского населения центрально-чернозёмного региона России во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. : автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 1999. С. 31.

[20] Есиков С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье : предпосылки и осуществление : [монография]. Тамбов, 2005.

[21] Мигущенко О.Н.. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Чернозёмной области 1928–1934 гг.). М., 2008.

[22] Гончаренко Ю.И. Под прессом «великого перелома» // «Русская провинция». Записки краеведов / сост. : Р.В. Андреева, Р.В. Воротникова. Воронеж, 1992; Шашкова О.Л. Репрессивная политика государства в 1928–1939 гг. и её последствия (на материалах Центрального Черноземья) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2000; Кротова Т.А. Раскулачивание тамбовского крестьянства (1929–1934 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005; Олиферовская И.В. Крестьянство и власть в Центральном Черноземье накануне и в годы коллективизации : 1927–1933 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

ной власти к человеческой жизни указывает на преступность самой политики «ликвидации кулачества как класса»[23].

Изучение ряда аспектов данной проблемы на материалах Борисоглебского округа Центрально-Чернозёмной области впервые начато автором диссертации.

Из западной историографии следует отметить работы Шейлы Фицпатрик, Роберта Конквеста, Андреа Грациози, Линн Виолы[24]. Основное внимание исследователи уделяют анализу отношениий между властью и крестьянством. Ими показаны жёсткие методы осуществления коллективизации, массовое недовольство сельского населения внедрявшимися изменениями в уклад жизни, сделана попытка подсчёта погибших граждан в ходе реализации аграрной политики.

Результатом проекта известного социолога Теодора Шанина стала реконструкция судеб российского крестьянства. Записанные в семнадцати регионах страны автобиографии сельских семей позволяют взглянуть на события давних лет глазами очевидцев[25].

Наибольший интерес западные учёные проявляют к таким проблемам, как репрессии против крестьянства и деятельность ОГПУ[26].

Накопленный историками разных поколений, как отечественными, так и зарубежными, багаж результатов исследований – это тот фундамент, который позволяет воссоздать объективную картину событий 1930-х гг. без какого-либо идеологического давления или временного конъюнктурного ажиотажа, без всякой оглядки на современные политические реалии. Историографический анализ показывает, что, несмотря на наличие обширной исторической литературы по проблеме ликвидации кулачества в СССР в 1930-е гг., продолжение разработки темы на основе введения в научный оборот нового массива документов, их более глубокого анализа и осмысления в соответствии с современным концептуальным подходом необходимо. До сих пор не достаточно обстоятельно исследованы методы и средства ликвидации кулачества, участие различных органов местной власти в проведении раскулачивания, противодействие крестьянского населения раскулачиванию, масштабы «перегибов», допущенных при ликвидации кулацких хозяйств.

---

[23] Панова Е.А. Политика «ликвидации кулачества как класса» и её проведение в Центрально-Чернозёмной области в 1929–1932 годах : автореф. дис. … канд. ист. наук. Липецк, 2007. С. 20.

[24] Конквест Р. Жатва скорби : советская коллективизация и террор голодом. London, 1988; Виола Л. ОГПУ, раскулачивание и спецпереселенцы // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. М., 1999; Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина : коллективизация и культура крестьянского сопротивления / пер. с англ. А.В. Бардина. М., 2010; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР : большевики и крестьяне, 1917–1933. М., 2001; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы : деревня. М., 2001.

[25] Рефлексивное крестьяноведение : десятилетие исследования сёл России / под ред. Т. Шанина. М., 2002.

[26] Stalinismus : neue Forschungen und Konzepte / Stefan Plaggenborg (Hrsg). Berlin, 1998.

Цель исследования: рассмотрение проведения раскулачивания крестьянства в Борисоглебском округе Центрально-Чернозёмной области в первой половине 1930 г. Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

– осветить деятельность местных органов власти по организации и проведению раскулачивания;

– раскрыть формы и методы, применявшиеся для ликвидации кулачества (конфискация имущества, выселение в Северный край, расселение на специально выделенные земельные участки);

– показать роль органов ОГПУ, милиции, прокуратуры, суда в ликвидации кулацких хозяйств;

– исследовать протестные действия крестьянского населения, определить их причины, формы, значение;

– установить масштабы допущенных при проведении раскулачивания «перегибов» и эффективность мер, предпринятых властью, для их устранения;

– проанализировать результаты начального периода раскулачивания.

Объектом исследования является российское крестьянство в эпоху коренной реконструкции социально-экономического уклада деревни в начале 1930-х гг.

Предметом исследования избран процесс раскулачивания крестьянства в Борисоглебском округе Центрально-Чернозёмной области в первой половине 1930 г., возникшее в связи с этим противостояние власти и крестьянства, итоги раскулачивания.

Территориальные рамки исследования включают в себя бывший Борисоглебский округ Центрально-Чернозёмной области, созданный в 1928 г. в соответствии с постановлением ЦИК и СНК об образовании в РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения. В его состав вошли Борисоглебский уезд и ряд волостей Тамбовского и Усманского уездов бывшей Тамбовской губернии, Новохопёрский уезд и ряд волостей Бобровского уезда бывшей Воронежской губернии. В настоящее время территория Борисоглебского округа ЦЧО входит в состав Воронежской, Тамбовской и Липецкой областей Российской Федерации.

Борисоглебский округ – это типичный аграрный регион России. На материалах данного региона можно хорошо исследовать социально-экономические и политические процессы, сыгравшие ключевую роль в дальнейшей судьбе русской деревни, проследить общие тенденции практической реализации политики ликвидации кулачества как класса, а также выявить региональную специфику этого процесса. Изучать данный регион важно и потому, что он в первые годы советской власти был охвачен крестьянскими волнениями. Следовало выяснить, как борисоглебское крестьянство отнеслось к политике «раскулачивания» и как складывалась его дальнейшая судьба. Заняться исследованием побудило также то обстоятельство, что этот регион слабо отражён в историографии.

Хронологические рамки исследования охватывают первую половину 1930 г. Нижней границей является январь 1930 г., когда в Борисоглебском округе началось массовое раскулачивание. Завершается исследование июлем 1930 г., так как, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г., Борисоглебский округ, как территориально-административная единица, наряду с другими округами был упразднён. К этому времени раскулачивание в округе уже состоялось. Это – начальный период раскулачивания, наиболее интенсивный по темпам ликвидации кулацких хозяйств. Изучение данного периода даёт широкое представление о том, какими методами осуществлялась ликвидация кулачества, как отнеслось к раскулачиванию крестьянское население, как эта кампания в целом отразилась на политической обстановке в деревне, каковы были масштабы раскулачивания в исследуемом регионе. В это время в полную меру проявились проблемы и противоречия, характерные негативные явления, обозначились наиболее используемые властью способы их разрешения, устранения и пресечения. В работе кратко освещён и предшествующий период – конец 1920-х гг., позволяющий раскрыть выработку политики ликвидации кулачества как класса и социально-экономическое состояние Борисоглебского округа накануне массового раскулачивания.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют принципы историзма и объективности. Материалы в диссертации рассматриваются конкретно-исторически, в связи с другими явлениями и событиями, показываются причинно-следственные связи. Для раскрытия темы использовались и общенаучные методы – индукция-дедукция, анализ-синтез и специально-исторические – хронологический, сравнительный, описательный. Для сравнительного анализа по районам округа количества кулацких хозяйств, количества хозяйств, первоначально раскулаченных, признанных неправильно раскулаченными и восстановленных, использовалась компьютерная графика. Комплексное применение этих методов содействовало достижению наибольшей результативности исследования.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные материалы и архивные документы, которые можно разделить на несколько групп.

К первой группе источников относятся законы и нормативные акты центральной власти, которыми определялся порядок проведения ликвидации кулацких хозяйств. Это, в основном, уже опубликованные материалы[27].

Вторую группу источников составляют делопроизводственные документы государственных учреждений и партийных организаций областного, окружного и районного уровней. Это большой массив документов, выявлен-

[27] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5 : 1929–1932. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984; Документы свидетельствуют : из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. М., 1989; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000.

ный нами преимущественно в фондах Государственного архива Воронежской области и Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области. Он впервые вводится в научный оборот. В данной группе можно выделить следующие подгруппы: документы организационно-распорядительного характера (директивные письма, телеграммы, положения, инструкции, направленные партийными и государственными органами в нижестоящие инстанции); протокольная документация (протоколы заседаний президиумов облисполкома, окрисполкома, райисполкомов, комиссий, бюро райкомов ВКП(б), партийных собраний и пленумов); деловая переписка (отношения, докладные записки должностных лиц); информационные документы (сводки, сообщения от низовых звеньев власти); отчётные документы (отчёты, доклады секретарей райкомов, председателей райисполкомов, заведующих финансовыми отделами, секретаря окружкома, председателя окрисполкома, завокрфинотдела и др. в вышестоящие инстанции). Тщательный анализ этих очень разнохарактерных по содержанию документов позволил раскрыть многие аспекты деятельности различных органов местной власти по организации и проведению раскулачивания, показать механизм всего процесса раскулачивания, его темпы, масштабы и итоги.

В третью группу источников включены документы, отражающие политическую обстановку в деревне. Это информационные сводки окружного отдела ОГПУ, полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО, информационные сводки областного, окружного административного отдела, районных административных отделений, докладные записки, отчёты, сводки судебно-следственных органов и прокуратуры, материалы следственных дел, жалобы крестьян о раскулачивании. Только несколько документов являются опубликованными[28], значительное же большинство выявлено нами в фондах Государственного архива Воронежской области, Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области, Государственного архива Российской Федерации и впервые вводится в научный оборот. Из материалов следственных дел особый интерес для данного исследования представляют анкеты арестованных, показания арестованных и свидетелей, обвинительные заключения, постановления «тройки». В жалобах крестьян содержатся подробные сведения о губительных последствиях раскулачивания для их семей, даётся обоснование несправедливости репрессивных мер к ним. Тщательный анализ этих документов позволил показать наиболее характерные для данной местности формы противодействия крестьянского населения

[28] Неизвестная Россия. XX век : альманах / сост. : В.А. Козлов, С.М. Завьялов. М., 1992; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2003; Советская деревня глазами ВЧК–ОПТУ–НКВД. 1918–1939 : документы и материалы. В 4 томах / Т. 3. кн. 1 (1930–31 гг.) / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000; «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 8, ч. 2 : 1930 г. М., 2008.

раскулачиванию, воссоздать достаточно полную и объективную картину крестьянских волнений, произошедших в округе в январе-феврале 1930 г., раскрыть их причины и мотивы, характер, политическую направленность, трагические последствия д ля их участников.

К четвёртой группе источников относятся публикации в местной периодической печати – областной газете «Коммуна», в окружной газете «Колхозная правда», в «Известиях» обкома ВКП(б) ЦЧО. Это разножанровые материалы: резолюция пленума обкома партии, статьи и выступления руководителей страны, области, округа, должностных лиц, письма читателей, корреспонденция с мест, публицистические заметки и рассказы. По этим материалам хорошо прослеживаются изменения в установках центральной власти: от «ударов» по кулаку до борьбы с «перегибщиками». Публикации в печати являются важным дополнением к официальным документам, так как содержат сведения о конкретных фактах раскулачивания, о конкретных людях, как подвергшихся раскулачиванию, так и осуществлявших ликвидацию кулацких хозяйств. Это придаёт изучаемым событиям яркую эмоциональную окраску, что немаловажно для получения более объективного и всестороннего представления о ликвидации кулачества как о сложном и противоречивом процессе.

Существенную роль сыграли и личные беседы автора исследования с очевидцами событий, с родственниками раскулаченных. Их воспоминания содержат уникальный материал, столь необходимый для воссоздания правдивой картины раскулачивания и глубокого осмысления этого полного драматизма события.

Таким образом, нами выявлен, изучен и проанализирован широкий круг информационно насыщенных документов и материалов, позволивший решить поставленные научные задачи, обстоятельно и доказательно раскрыть исследуемую тему.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые на основе как опубликованных, так и неопубликованных материалов комплексно исследуется проблема практической реализации политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО. В работе подробно раскрывается деятельность местных органов власти по организации и проведению раскулачивания, показывается динамика конфискации имущества и её результаты. Обстоятельно освещаются такие малоизученные аспекты темы, как присвоение имущества раскулаченных, бесхозяйственное отношение к изъятой у кулаков собственности, принятие различными органами власти мер по пресечению нарушений действующего законодательства при проведении раскулачивания. Впервые приведены данные об итогах начального периода раскулачивания в Борисоглебском округе, показан масштаб «перегибов» в исследуемом регионе. Уточнены сведения об итогах раскулачивания в первой половине 1930 г. и в целом по ЦЧО. Исследование вводит в научный оборот ранее неизвестные материалы о противодействии широких слоёв крестьянского населения раскулачиванию. Рассмотрены наиболее характерные для данной местности формы сопротивления раскулачи-

ванию. Впервые воссоздана объективная картина массовых крестьянских выступлений, произошедших в округе в январе-феврале 1930 г. Определены причины и мотивы протестных действий крестьян.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории российского крестьянства, по истории Центрального Черноземья и разработке отечественных курсов по проблемам новейшей отечественной истории, а также в педагогической деятельности. Статья «Присвоение имущества раскулаченных в Центрально-Чернозёмной области в 1929–1930 гг.», опубликованная в журнале «Вопросы истории», включена в программу дисциплины «Политическая культура России XX века» в Государственном университете – Высшая школа экономики.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет». Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования нашли отражение в 15 публикациях автора, общим объёмом 8 п.л., в том числе в 3-х рецензируемых научных изданиях: журналах «Вопросы истории», «Российская история», «Родина». Основные результаты работы были предложены автором на рассмотрение научной общественности на международной научно-практической конференции «Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века» (Коломна, 2009), на XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования» (Рязань, 2010), на шести региональных научных конференциях (Воронеж, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Раскулачивание являлось важнейшим компонентом политики сплошной коллективизации крестьянских хозяйств. Без ликвидации кулацких хозяйств советское государство не могло осуществить социалистическую реконструкцию сельского хозяйства.

2. Политика ликвидации кулачества как класса не имела всеобщей поддержки у крестьянского населения, её проведение обеспечивали различные органы власти, в том числе ОГПУ, милиция, прокуратура, суды.

3. Раскулачиванию в Борисоглебском округе сопротивлялись не только зажиточные крестьяне, а и середняки и бедняки.

4. Массовые крестьянские волнения были вызваны насильственными действиями власти в отношении зажиточных крестьян и являлись выражением крестьянской взаимопомощи.

5. Раскулачивание привело к частичной утрате производительных сил и средств производства в деревне, к экономическому спаду.

6. В самой политике ликвидации кулачества как класса были заложены основы для многочисленных беззаконий в ходе её практической реализации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых делится на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении диссертации обоснована актуальность избранной темы, обозначены цель и задачи исследования, определены объект и предмет исследования, методология, территориальные и хронологические рамки, выявлена степень изученности проблемы, дан обзор источниковой базы работы, показана её научная новизна и практическая значимость.

В первой главе диссертации «Осуществление политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО в первой половине 1930 г.» освещена практическая реализация политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе.

В первом параграфе показано социально-экономическое состояние Борисоглебского округа в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Округ находился на востоке ЦЧО, граничил с Тамбовским, Козловским, Усманским, Острогожским, Россошанским округами и с Нижне-Волжским краем. На 1 января 1930 г. округ занимал территорию в 16 506,6 кв. км. В его составе было 13 районов. По данным переписи 1926 г. здесь проживало 815 911 человек, из них в сельской местности – 766 458 человек (94 %), в городах – 49 453 человек. Главным занятием населения было сельское хозяйство. Широкие предпосылки для этого создавали благоприятные почвенные и климатические условия. Осенью 1929 г. в округе насчитывалось 164 084 единоличных крестьянских хозяйств. Около 37,3 % хозяйств имели посевы от 2 до 4 га. У 40 % хозяйств не было лошадей или волов. По обеспеченности крестьянских хозяйств скотом и инвентарём Борисоглебский округ находился в области на предпоследнем месте, опережая лишь Козловский округ. Кулацких хозяйств на 1 декабря 1929 г. значилось 3 949 (2,4 % от всех крестьянских хозяйств). Округ был крупным пунктом по торговле и по развитию промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырьё. Он занимал первое место в ЦЧО по мукомольной отрасли, производил 15,6 % всей продукции областного мукомолья.

К началу 1930 г. округ являлся районом сплошной коллективизации. По колхозному движению он был на первом месте в ЦЧО. Посевная площадь колхозов в 1928 г. составляла 17,1 % от общеобластной площади колхозных посевов при удельном весе населения округа в 8 % от населения области. Колхозы объединяли 3,7 % крестьянских индивидуальных хозяйств округа. Земельный фонд колхозов составлял 4,8 % всей площади крестьянских земель.

Борисоглебский округ ЦЧО – это характерный регион европейской России, где проходили типичные процессы в жизни русского крестьянства. Значительный удельный вес аграрного сектора экономики определял особую роль крестьянства в развитии этого края. Здесь хорошо просматриваются элементы традиционной крестьянской среды. Для данного региона характерно безусловное преобладание крестьянской общины и это преобладание на-

ложило свою специфику на восприятие крестьянством мероприятий советской власти по кардинальному переустройству деревни.

Во втором параграфе рассмотрено, какие изменения претерпел термин «кулак» в первые десятилетия XX века. В дореволюционной России кулаком считался зажиточный крестьянин, имевший нетрудовой доход, ростовщик, скупщик и торговец. После установления советской власти слово «кулак» приобрело политическую окраску, им обозначался «классовый враг». Перечень признаков кулацких хозяйств, согласно Постановлению СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде», был достаточно широким, что позволяло местным органам власти причислить к кулакам и представителей трудового крестьянства.

Раскрывается выработка партийно-государственным руководством страны политики ликвидации кулачества как класса и организационная деятельность местных органов власти по её реализации. Борисоглебский окружной комитет ВКП(б) 19 января 1930 г. дал на места практические указания о начале ликвидации кулацких хозяйств. Организацией раскулачивания в округе занимались различные органы местной власти: окружком и райкомы ВКП(б), окрисполком и райисполкомы, сельские партячейки и сельсоветы. При сельсоветах из числа ответственных работников и активистов создавались комиссии, тройки, штабы. Кроме того, был задействован широкий круг партийных и советских работников районного, окружного и областного уровней. В деревню были посланы 849 человек – 443 областных и окружных работника, 406 – из районных центров. Результативность всей кампании обеспечивалась органами ОГПУ, милиции, прокуратурой и судами.

В третьем параграфе исследовано проведение конфискации имущества у кулацких хозяйств, проанализированы её темпы и результаты, показана динамика процесса. К 10 февраля 1930 г. в округе было раскулачено 2 766 хозяйств (2,3 % всех крестьянских хозяйств), к 20 февраля – 4 649 крестьянских хозяйств. Наибольшее число раскулаченных хозяйств было в Песковском (568), Архангельском (555) и Верхне-Карачанском (531) районах. На конец апреля 1930 г. в округе раскулачили 5 498 хозяйств. Стоимость изъятого имущества исчислялась более чем в 2 916 890 руб. На 30 мая 1930 г. было раскулачено 5 517 хозяйств и конфисковано имущества на сумму 3 163 145 рублей. По нашим подсчётам, у одного хозяйства конфисковали имущества в среднем на 573,3 руб., что несколько превышает общесоюзный показатель (564,2 руб.). Исключение такого количества материальных средств из налаженного единоличного хозяйства неминуемо обрекало его на разорение и вело к снижению уровня жизнеобеспечения как сельских, так и городских жителей. Потери в экономике и расстройство хозяйства вызвали вскоре небывалый в стране голод.

В четвёртом параграфе раскрывается присвоение имущества раскулаченных. Анализ материалов позволил установить причастных к этому круг лиц. Это – сельские активисты, члены сельсоветов, партийцы, комсомольцы, уполномоченные райкомов партии и райисполкомов, члены рабочих бригад,

милиционеры, председатели колхозов. Чаще всего ими присваивались продукты, одежда, бельё, обувь, другие личные вещи и предметы домашнего обихода. В исследовании освещены меры, предпринятые различными органами местной власти для пресечения подобных злоупотреблений: отстранение виновных от должности, объявление выговора, исключение из партии, привлечение к уголовной ответственности. Изложены решения ряда показательных судебных процессов. Складывалась досточно пародоксальная ситуация. В округе наблюдались попытки местной власти контролировать соблюдение законности в условиях санкционированного высшим руководством страны открытого грабежа крестьянства. Играя сдерживающую роль, эти меры, однако, в целом не улучшили правовое положение крестьян. Условия для злоупотреблений и произвола представителей власти в отношении крестьянства были заложены самой политикой ликвидации кулачества как класса, которая являлась ничем иным, как узаконенным беззаконием.

В пятом параграфе изучено, как в Борисоглебском округе распорядились отобранной у кулаков собственностью. Налаживанием использования конфискованного имущества местным властям пришлось заниматься в течение длительного времени. В исследовании освещены решения местных органов власти по этому вопросу и показано практическое их выполнение. Материалы свидетельствуют, что отношение к имуществу раскулаченных не везде было рачительным, а применение – рациональным и эффективным. Это проявлялось и в отсутствии должного учёта конфискованного имущества, и в ненадлежащей его охране, и в плохих условиях хранения и содержания, и в неиспользовании по назначению. В работе приведены характерные примеры проявлений бесхозяйственности. Показаны предпринятые различными органами власти меры по пресечению бесхозяйственности, включая уголовное наказание. Отмечена их недостаточная эффективность. Сделан вывод о социально-политических корнях бесхозяйственности. Она порождалась как быстрыми темпами раскулачивания, так и чрезмерно большим объёмом изъятого. В результате часть имущества была безвозвратно утрачена.

Распространённые в историографии выводы о значительным вкладе конфискованного имущества в укрепление материальной базы колхозов материалами данной местности на подтверждается. В Борисоглебском округе у 5 517 хозяйств изъяли имущества на сумму в 3 163 145 рублей. Между тем, до раскулачивания 3 949 кулацких хозяйств владели имуществом стоимостью в 29 531 000 руб. Таким образом, только 10,7 % стоимости собственности кулаков досталось новым владельцам. Эта существенная разница объясняется не только плохим учётом конфискованного имущества и заниженной оценкой, но и тем, что часть его испортилась, уничтожилась, растащилась. Очевидно, что такой небольшой объём имущества, доставшийся колхозам, не мог играть значительную роль в укреплении их материальной базы.

В шестом параграфе освещено проведение выселения кулаков. Показана подготовительная работа, проделанная местной властью для обеспечения организованного вывоза кулаков в установленные сроки: были оборудованы четыре сборных пункта, задействовано необходимое количество людей, вы-

делены подводы, установлены маршруты следования к сборным пунктам. Выселять кулаков в Борисоглебском округе начали с 19 марта 1930 г. По решению Президиума окрисполкома выселению подлежало 3 080 человек. Проведение этой операции возлагалось на местные органы ОГПУ. Им помогала милиция. Милиционеры конвоировали выселямых до пунктов сбора, стояли на постах, охраняли кулаков. В работе освещено функционирование пунктов сбора, проанализирована динамика доставки выселяемых. Отправки в Северный край на пунктах ожидали 3 100 человек, из них мужчин старше 18 лет было менее трети – 885 человек. 1 и 3 апреля 1930 г. двумя эшелонами раскулаченных отправили в Архангельск. По данным ОГПУ на 6 мая 1930 г. из ЦЧО в Северный край было вывезено 8 237 семей или 42 837 человек, из них более 7 % являлись жителями Борисоглебского округа.

Седьмой параграф посвящён подготовке расселения на специально отведённых земельных участках кулаков «третьей категории», оставленных для проживания в своей местности. Эта работу в округе местные власти начали проводить в конце второй декады февраля 1930 г. Расселению подлежало 4 140 раскулаченных хозяйств, более 20 тысяч человек. Было выделено 10 262 га земли, намечено 12 участков площадью от 300 до 2 000 га, при норме на едока 0,5 га. Размеры создаваемых посёлков не должны были превышать 15–20 дворов. Земли отводились только плохого качества: солонцеватые, песчаные, супесчаные и глинистые, вдали от энергетических центров, мест поселения, колхозов, совхозов, железных дорог и лесных массивов. Для немедленного освоения выделенных земель райисполкомы должны были обеспечить раскулаченных минимумом средств производства с расчётом одна тягловая сила, одна соха и борона на три хозяйства. На переселенцев возлагались обязательства выполнять все производственные задания по весенне-посевной кампании, по поднятию урожайности, по сдаче товарных излишков государственным и кооперативным органам. Однако по указанию областной власти переселение кулаков было прекращено до окончания сева. В итоге запланированная изоляция раскулаченных от остального крестьянского населения не состоялась. Получив необходимую помощь и поддержку от родственников и односельчан, эти семьи смогли выжить, вырастить своих детей, многие из которых стали достойными защитниками Отечества в годы Великой Отечественной войны.

Во второй главе «Взаимоотношения власти и крестьянства в период проведения ликвидации кулацких хозяйств» исследованы различные аспекты отношений между крестьянским населением и представителями власти: как конфронтация и противостояние, так и решение конфликтов мирными способами.

В первом параграфе на конкретных примерах показаны многообразные формы сопротивления крестьянского населения раскулачиванию: недопущение конфискации имущества, воспрепятствие арестам и выселению, самовольное возвращение изъятого имущества. В работе проанализированы причины и мотивация противодействия раскулачиванию бедняцко-середняцких слоёв крестьянства. Конфискация имущества воспринималась большинством

трудового крестьянства как грабёж чужого добра. Такой источник благосостояния был им чужд. Зажиточные хозяева оказывали своевременную и ощутимую помощь односельчанам при пожарах, неурожаях и в других трудных жизненных ситуациях. Характерным примером является позиция жителей Михайловки Жердевского района, заявивших, что те, кого считают кулаками, «на самом деле – это благодетели бедноты и если бы не они, то бедняки давно бы помёрли с голода». Противодействие крестьян было вызвано и опасением оказаться самим под угрозой лишения собственности.

В работе воссоздана полная и достоверная картина крестьянских выступлений, произошедших в округе в январе-феврале 1930 г. Сопротивление крестьян было ответной реакцией на насильственные меры власти в отношении зажиточных хозяев. Они являлись выражением крестьянской взаимопомощи. Одновременность выступлений жителей различных селений указывает на общность причин и мотивов и не является основанием считать их заранее спланированными и подготовленными. Сведения ОГПУ о существовании в Борисоглебском округе контрреволюционной организации, результатом деятельности которой и стали якобы эти выступления, в исследованных нами архивных материалах не нашли подтверждения. Протестные действия крестьян ограничивались шумом, криками, угрозами, но применения огнестрельного оружия против представителей власти не было. Власть же для усмирения крестьян использует демонстрацию вооружённой силы, а затем и жесточайшие репрессии к участникам волнений.

Во втором параграфе исследованы масштабы «перегибов», допущенных при раскулачивании в Борисоглебском округе. В конце 1929 г. в округе насчитывалось 3 949 кулацких хозяйств (2,4 % от всего количества крестьянских хозяйств), а раскулачено было 5 517 хозяйств, т.е. на треть больше. Раскулачиванию подвергли и те слои населения, которые к кулацким не относились. «Перегибы» не являлись случайными: они были обусловлены общим политическим курсом партийно-государственного руководства страны. В этом и есть корень проблемы.

В работе изучены меры, предпринятые различными органами местной власти для устранения этих «перегибов». Установлено, что в Борисоглебском округе проверять списки раскулаченных стали ещё в начале февраля 1930 г., т.е. до принятия соответствующих директив центральной властью. Однако работа эта затянулась на несколько месяцев. Привлечение работников, допустивших «перегибы», к ответственности, в том числе и уголовной, указывает на стремление власти направить практическую деятельность низовых звеньев в русло правового поля, что сделать было достаточно затруднительно. Курс на ликвидацию кулачества оставался неизменным, поэтому сохранились и условия для «перегибов» и «искривлений».

В третьем параграфе изучена работа местных органов власти с жалобами крестьян о раскулачивании. Вскрыты наиболее распространённые её недостатки: длительное нерассмотрение жалоб райисполкомами, формальный подход к их проверке. Для многих крестьян желание добиться отмены раскулачивания и возвратить конфискованное имущество оказалось несбы-

точным. Анализ документальных материалов позволил установить количество хозяйств, признанных в Борисоглебском округе неправильно раскулаченными. Из 5 517 хозяйств райисполкомами было отменено раскулачивание 1 567 хозяйствам. В среднем по округу было восстановлено 28,4 % хозяйств, а по отдельным районам от 12 до 44 %. С учётом этого определяется итоговое число раскулаченных хозяйств в Борисоглебском округе – около 3 800 хозяйств, что составляет 2,3 % от всего количества крестьянских хозяйств. Таким образом, в Борисоглебском округе не было шокирующего процента раскулачивания, но это не уменьшает масштаба народной трагедии. Следует учесть, что хозяйства, которые власть признала неправильно раскулаченными и восстановила, были также разорены и навсегда утратили свою былую мощь.

Уточняются сведения о раскулачивании и в целом по области. На 1 июня 1930 г. в ЦЧО было раскулачено 72 664 хозяйства, выслано из ЦЧО 7 674 хозяйства, подлежало расселению 35 625 хозяйств, восстановлено 34 150 хозяйств, изъято средств производства на сумму 14 388 106 рублей. В сравнении с другими округами ЦЧО Борисоглебский округ по количеству раскулаченных хозяйств находился на 7-м месте, при этом по стоимости изъятого у кулаков имущества он лидировал.

В заключении работы подведены основные итоги диссертационного исследования, сформулированы выводы.

К раскулачиванию в Борисоглебском округе приступили одними из первых в Центральном Черноземье – в начале третьей декады января 1930 г. Ликвидация кулацких хозяйств была проведена здесь быстрыми темпами. К 30 мая 1930 г. раскулачили 5 517 хозяйств. Масштабы «перегибов», допущенных в ходе кампании, были значительными. Более трети хозяйств местные органы власти признали неправильно раскулаченными.

Источники опровергают утверждение, преобладавшее в советской историографии, что бедняцко-середняцкие слои крестьянства активно помогали власти проводить раскулачивание, так как были заинтересованы в получении отобранного имущества. Анализ материалов показывает, что для ликвидации кулацких хозяйств местной властью чаще всего использовался «административный метод», без привлечения широкой массы крестьянства. Результативность кампании обеспечивали органы ОГПУ, милиция, прокуратура и суды.

Политика ликвидации кулачества как класса не отражала реального состояния взаимоотношений различных слоёв сельского населения, сводя его только к имущественному различию и классовому противоборству. Между тем, существенную роль играли и родственные связи, и личные качества сельских хозяев, и такие особенности общинного менталитета российского крестьянства, как стремление к справедливости, сострадание чужому горю.

В массовых выступлениях против раскулачивания ярко проявилась противоположность позиций по отношению к наиболее успешной и предприимчивой части крестьянства со стороны государства и со стороны сельского населения. Для власти крепкий хозяин был потенциально опасным «контрреволюционным антисоветским элементом», а для трудового крестьянства – чаще

всего уважаемым односельчанином, обладающим деловыми качествами и высокой нравственностью.

Материалы исследования доказывают, что раскулачивание далеко не везде содействовало коллективизации крестьянских хозяйств. Нередко наблюдалось снижение темпов колхозного сторительства. Среди крестьянского населения отмечался рост антиколхозных настроений. Начался выход из колхозов, разбор обобществлённых скота, семян.

На примере Борисоглебского округа Центрально-Чернозёмной области – одного из типичного земледельческого района России, – как через увеличительное стекло, показан весь процесс практической реализации политики ликвидации кулачества как класса, начавшийся в январе 1930 г. Процесс этот был сложным и неоднозначным как для самой власти, и центральной и местной, так и для народа. Наша исследовательская работа со всей убедительностью показывает, что раскулачивание нанесло большой урон экономике Борисоглебского округа и для его населения имело трагические последствия. Это горький урок доктринального экспериментирования во имя социальной утопии.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Тимошечкина Е.М. Присвоение имущества раскулаченных в Центрально-Чернозёмной области в 1929–1930 гг. / Е.М. Тимошечкина // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 71–77. (0,7 п.л.)

2. Тимошечкина Е.М. «У нас нет кулаков!» : крестьянство и политика «раскулачивания» в локальном измерении / Е.М. Тимошечкина // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 19–25. (0, 7 п.л.)

3. Тимошечкина Е.М. Восставшая Тишанка / Е.М. Тимошечкина // Родина. – 2010. – № 4. – С. 83–85. (0,7 п.л.)

Другие публикации:

1. Тимошечкина Е.М. Выселение кулаков в Борисоглебском округе ЦЧО в период проведения сплошной коллективизации / Е.М. Тимошечкина // Из истории Воронежского края : сб. ст. – Воронеж, 2008. – Вып. 15. – С. 85–94. (0,7 п.л.)

2. Тимошечкина Е.М. Противодействие крестьянского населения конфискациям имущества в период сплошной коллективизации (на материалах Борисоглебского округа ЦЧО) / Е.М. Тимошечкина // Государство и его подданные : века сотрудничества и противостояния : материалы Третьей регион. науч. конф. (г. Воронеж, 3 февраля 2009 г.). – Воронеж, 2009. – С. 128–132. (0,3 п.л.)

3. Тимошечкина Е.М. Массовые выступления крестьян в селе Новая Чигла Борисоглебского округа ЦЧО в феврале 1930 г. / Е.М. Тимошечкина // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века : сб. ст. к международной науч. практич. конф. – Коломна, 2009. – С. 257–261. (0,3 п.л.)

4. Тимошечкина Е.М. Конфискация имущества у кулацких хозяйств в Борисоглебском округе ЦЧО / Е.М. Тимошечкина // Из истории Воронежского края : сб. ст. – Воронеж, 2009. – Вып. 16. – С. 173–191. (0,8 п.л.)
5. Тимошечкина Е.М. Неповиновение власти крестьян села Тройня в феврале 1930 г. / Е.М. Тимошечкина // Власть и народ в условиях войн и социальных конфликтов : материалы Четвёртой регион. науч. конф. (г. Воронеж, 2 февраля 2010 г.). – Воронеж, 2010. – С. 213–217. (0,3 п.л.)
6. Тимошечкина Е.М. Сводки районных административных отделений и окружного административного отдела как источник для исследования противодействия крестьянства проведению политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО / Е.М. Тимошечкина // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. : источники и методы исследования. XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тезисы докладов и сообщений. – Рязань, 2010 г. – С. 121–123. (0,3 п.л.)
7. Тимошечкина Е.М. Об имуществе раскулаченных в Борисоглебском округе ЦЧО / Е.М. Тимошечкина // Из истории Воронежского края : сб. ст. – Воронеж, 2010. – Вып. 17. – С. 193–214. (1 п.л.)
8. Тимошечкина Е.М. Жалобы крестьян на раскулачивание и реакция власти (на материалах Борисоглебского округа ЦЧО) / Е.М. Тимошечкина // Власть и общество : взаимодействия и конфликты : материалы Пятой регион. науч. конф. (г. Воронеж, 26 марта 2011 г.). – Воронеж, 2011. – С. 149–154. (0,3 п.л.)
9. Тимошечкина Е.М. Архивные документы о расселении кулацких хозяйств в Борисоглебском округе ЦЧО / Е.М. Тимошечкина // Общество и власть в России : проблемы взаимодействия. XV – начало XX в. : межвуз. сб. науч. работ. – Воронеж, 2011. – С. 194–205. (0,6 п.л.)
10. Тимошечкина Е.М. Устранение перегибов, допущенных при раскулачивании (на материалах Борисоглебского округа ЦЧО) / Е.М. Тимошечкина // Столица и провинция : история взаимоотношений : материалы Шестой регион. науч. конф. (г. Воронеж, 3 февраля 2012 г.). – Воронеж, 2012 г. – С. 178–183. (0, 4 п.л.)
11. Тимошечкина Е.М. Сводки районных административных отделений и окружного административного отдела как источник для исследования противодействия крестьянства проведению политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО / Е.М. Тимошечкина // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. : источники и методы исследования : материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Е.Н. Швейковская. – Рязань, 2012. – С. 320–326. (0,4 п.л.)
12. Тимошечкина Е.М. Противостояние власти и крестьянства в период проведения сплошной коллективизации и раскулачивания (на материалах Таловского района ЦЧО) / Е.М. Тимошечкина // Государство и общество : взаимодействие и противостояние : материалы Седьмой регион. науч. конф. (г. Воронеж, 2 февраля 2013 г.). – Воронеж, 2013. – С. 206–212. (0,4 п.л.)